

Механизм, окультизм, исчисление сред: вечный двигатель советского

Йоэль Регев

VERSUS

Йозель Регев. Европейский университет в Санкт-Петербурге (ЕУСПб), Санкт-Петербург, Россия, yoel.regev@gmail.com.

В статье предпринимается попытка разместить «Геологическую трилогию» Дмитрия Морозова (:vtol:) между тремя полюсами или тремя парадигматическими моделями. Автор статьи обращается к теории Ансона Рабинбаха и его описанию технических механизмов, характерных для XVIII века, как противостоящих принципу мотора и энергетическим машинам XIX века. С одной стороны, непрерывное возобновление процесса в инсталляциях Морозова отсылает к механизмам XVIII века, где источником движения выступает не энергия и ее трансформации, а взаимное расположение частей. Однако машины Морозова отличаются от машин XVIII века отсутствием миметичности. Также в статью вводится предложенное Маттео Пасквинелли различие карбоновой и кремниевой машин. Третья теория, на которую опирается автор статьи, — интерпретация учения кабалиста XVI века Ицхака Лурии, которая сопоставляется с теорией Пасквинелли. Поддерживаемая на уровне материи связь с точкой, где произошла трансформация реальности, отсылает к оккультным практикам манипулирования. Машина Морозова гипотетически оказывается машиной третьего типа, мобилизующей технический потенциал XVIII века, но при этом определенным образом его трансформирующей. Машина третьего типа — это машина расположения, способная трансформировать ситуацию в целом. Основой функционирования таких машин является жестовой четверичный код и общие принципы исчисления сред, позволяющие связать между собой различные социокультурные аспекты и рассмотреть вопрос об их связи с парадигмой «советского». Автор статьи предполагает, что машины Морозова осуществляют действие по изменению прошлого (советского прошлого, прежде всего — прошлого эпохи «застоя»). Однако дальнейшее выполнение задач, которые ставят машины Морозова, требует новой онтологии и новой математики.

Ключевые слова: *машины; оккультизм; миметичность; исчисление сред; советское.*

МНЕ КАЖЕТСЯ, что в машинах Дмитрия Морозова интересно то, что это *такие странные объекты, с которыми непонятно, что делать*. Это для меня в них самое привлекательное. С другой стороны, мы понимаем, что есть очень много объектов, с которыми непонятно, что делать, но мы не испытываем особого желания разбираться с ними или с самими собой по их поводу. А объекты Морозова нас цепляют, и мы испытываем активное желание в них разобраться.

Я хотел бы связать это «разбирательство» с вопросом, который интересует меня уже какое-то время: это вопрос о машине третьего типа и модерности, современности третьего типа. Чтобы обозначить какие-то контуры этого третьего типа и два других, от которых он отличается, мне хотелось бы обратиться к нескольким теориям. У Ансона Рабинбаха, философа культуры и техники, я беру описание технических механизмов XVIII века как противостоящих принципу мотора и энергетических машин, характерных для XIX века. С другой стороны, я обращаюсь к идеям Маттео Пасквинелли, итальянского философа техники, и к работам каббалиста XVI века Ицхака Лурии, основателя течения, которому было дано его имя — Лурианская каббала. Эти три фигуры помогут мне очертить пространство третьей фигуры.

Рабинбах пишет про парадигму, которая была господствующей в сознании инженеров XVIII века¹. Она заключалась в том, что нужно привести в наиболее благоприятное положение части, составляющие механизм. И само это приведение их в наиболее благоприятное положение может продуцировать движение. Такого рода механицизму противостоит Гельмгольц с его открытием «энергии». Как показывает Рабинбах, эта идея становится главенствующей в разных областях знания начиная со второй половины XIX века. Машина не производит никакого движения, она просто преобразовывает энергию в работу, именно поэтому вечного двигателя не может быть. Напротив, механики XVIII века были одержимы идеей вечного двигателя. Идеей, состоящей в том, что можно таким образом расположить детали, что они смогут продуцировать бесконечное движение.

В этом смысле русский баснописец Иван Крылов являлся антимеханицистом и предшественником Гельмгольца. Сюжет и мораль его басни «Квартет» связаны именно

---

1. Rabinbach A. The Human Motor: Energy, Fatigue, and the Origins of Modernity. Berkeley, CA: University of California Press, 1992.

с этой темой. «А вы, друзья, как ни садитесь, / Всё в музыканты не годитесь» — это ведь именно про то, что есть творческая энергия, талант, одаренность, от которой зависит рождение музыкального коллектива и его продукции — музыки. А от того, как рассказывать животных, от расположения частей ничего не зависит. «Лебедь, рак и щука», «Мартышка и очки», — это все басни, критикующие механицистский дух XVIII века, высмеивание попыток решать технические проблемы путем правильного расположения деталей машины.

У меня есть очень сильное ощущение того, что машины Морозова в каком-то отношении возвращаются к парадигме XVIII века, к парадигме размещения или расположения. И вот интересный момент: машины, которые входят в геологическую трилогию, если описывать феноменологию их восприятия зрителем, который приходит на них посмотреть, — функционируют как вечный двигатель. Это такой постоянно возобновляющийся, причем как бы при помощи своих собственных ресурсов движения, механизм. Кусок метеорита притягивается, нагревается. Из-за того, что он нагрелся, магнит перестает его притягивать, он падает, охлаждается, снова притягивается. И так без конца.

В других машинах этот принцип менее нагляден. Но все равно эти машины все время как будто сами себя под заводят. Однако тут есть важный момент, который отличает эти машины от механизмов, которые делали инженеры XVIII века.

Механизмы того времени были миметические. Собственно, Рабинбах так и называет эту парадигму миметической, потому что они всегда пытались что-то воспроизвести. Так, знаменитый автоматон «утка», сделанный Жаком де Вокансоном в 1739 году, должен был полностью копировать живую утку, с ее физиологией, циклом переваривания пищи, извлечением звуков, движением крыльев. Так же и созданный французским механиком андроид тоже должен был полностью воспроизводить человеческий организм и быть способным самостоятельно двигаться благодаря своему расположению частей.

Напротив, машины Морозова, на мой взгляд, принципиально не миметические машины. Они ничему не подражают. Они не воспроизводят какие-то существующие в природе органические единства.

Но что же они тогда делают? Это, как мне кажется, и есть самый главный вопрос. Можно сказать, что они симулируют, но это весьма косвенный ответ, потому что они очевидным образом симулируют, и прежде всего — какую-то информа-

ционную работу, какие-то данные. И это верно не столько по поводу геологической трилогии, сколько по поводу других машин Морозова. У него есть постоянно повторяющийся паттерн, согласно которому машины каким-то образом реагируют, например, на ваши движения или на звуки, которые вы издаете рядом с ними, или на то, что вы подключаетесь к wi-fi сети. Ваше подключение как воспринятый ими знак они каким-то образом переводят в механическое движение.

Можно было бы сказать, что это третья парадигма машин, — информационные машины, которые работают со знаками, силиконовые машины, которые перерабатывают информацию.

Именно их деятельность машины Морозова часто симулируют. Но почему симулируют? Потому что эта работа с информацией ни к чему не ведет, происходит явным образом вхолостую. То есть вы каким-то образом двигаетесь, вы производите звуковые волны, машина переводит эти звуковые волны в движение. И что? И ничего.

Можно сказать, что реальные способы передачи информации в принципе устроены подобным образом, и можно, конечно, в этих машинах усмотреть своего рода их критику: разве когда вы заходите в социальную сеть, там что-то происходит? Тоже ничего не происходит. То есть это обычная ситуация. Но я думаю, что этим дело не ограничивается.

И тут надо добавить пару слов про «кремниевую машину». Этот термин принадлежит уже не Рабинбаху, а Пасквинелли. Пасквинелли различает два типа машин². Как раз XVIII век он в принципе не рассматривает, а различает исключительно машины карбоновые и кремниевые. Одни представляют дизельно-карбоновую современность, это машины, которые работают на углеводородном топливе и перемещают материальные объекты. Другие — машины кремниевые, перерабатывающие/перемещающие информацию.

Пасквинелли пишет, что современность — это дракон с двумя головами: карбоновой и кремниевой современностью. Но у дракона должна быть еще и третья голова, однако, Пасквинелли не говорит какая.

Моя гипотеза по поводу способности машин Морозова «цеплять» внимание зрителя состоит в том, что им как раз и создана машина третьего типа, машина, стоящая у вхо-

---

2. *Pasquinelli M. The Automaton of the Anthropocene: On Carbosilicon Machines and Cyberfossil Capital//South Atlantic Quarterly. 2017. Vol. 116. № 2. P. 311–326.*

да в наш мир. Филострат говорит, что боги знают грядущее, люди — настоящее, а мудрецы — предстоящее или стоящее у входа. И я думаю, что как раз в этом смысле Морозов — мудрец. И его машины — это некоторое задание, связанное с «предстоящим».

Именно поэтому меня машины Морозова действительно интересуют. Я думаю, что машины Морозова — это такая стоящая у входа третья машина, которая мобилизует некоторые потенциалы XVIII века, но при этом их определенным образом трансформирует, переключает. И прежде всего через отказ от миметичности.

Более того, я думаю, что этим морозовским машинам недостает некоторого главного ответа. Они негативные, они отвергают все вопросы «зачем», которые им могут задать существующие типы современности или существующие типы социально-технических отношений. Они нуждаются в некотором собственном «зачем». И тут дело не только в теологии: они нуждаются в некотором онтологическом плане, который объяснит, что они, собственно, делают.

И тут мне необходимо обратиться к Лурии, каббалисту XVI века, который еще тогда, на пороге Нового времени, создал очень любопытную теорию, которая по сути является теорией современности. Сам он, конечно, свои идеи таким образом не формулировал и излагал их в довольно мифологизированной форме. На первый взгляд, в его тексте речь вообще не идет о современности. Его главная тема — типология *Кфицат ха Дерех*³. Это устойчивый термин раввинистической традиции, означающий буквально «перепрыгивание пути», «сокращение пути». То есть как сапоги-скороходы — ты выходишь, делаешь шаг, и сразу переносишься куда-то, куда тебе надо.

Он различает два возможных типа *Кфицат ха Дерех* и любопытно их распределяет в гендерном плане: один женский, другой мужской. Но главное, что в своих базисных характеристиках эти два типа *Кфицат ха Дерех* как раз соответствуют разделению Пасквинелли между карбоновой и кремниевой машинами. Потому что первый тип ускоренного преодоления пути связан просто с преодолением расстояния. Лурия говорит: когда ты просто берешь какой-нибудь предмет, например палку, и производишь с ней определенные манипуляции, производишь заклинания, на-

---

3. *Luria I. Shaar mamarey Razal* (The Gate of Sayings of the Wise). Jerusalem: A haim ve ha shalom, 1978. P. 9.

тираешь мазью, и она тебя переносит туда, куда тебе нужно. Возможно, эти перемещения он относит к «женскому» типу, потому что они связаны с определенными техниками, использовавшимися ведьмами (тут необходимы дальнейшие исследования).

В принципе, вся карбоновая современность именно таким образом и работает: берется какой-то объект, с ним производятся какие-то манипуляции и он нас быстро перемещает в нужном направлении. И таким образом мы преодолеваем собственную ограниченность в пространстве.

Но второй тип Кфицат ха Дерех — совсем другой. Его принцип состоит в том, что тебе самому никуда не надо двигаться, земля сама движется тебе навстречу, — говорит Лурия. Именно это и делает информационная, кремниевая машина, кульминацию действия которой в период пандемии и карантина мы все на себе хорошо испытали. Да, никуда не надо выходить, никуда не надо перемещаться, потому что все, что нужно, перемещается к тебе. Информация, фильмы, книги, тексты, люди.

Лурия, помимо этого, говорит, что должен быть и третий тип машин. Первый и второй типы машин он не только распределяет по гендерному принципу, он также называет их демоническим и ангелическим соответственно. Третий же тип машин — непосредственно божественный. Это непосредственное вмешательство Бога или абсолюта. Но и у Лурии, и у Пасквинелли не очень ясно, какой именно эта третья машина может быть.

У меня есть некоторые предположения на этот счет, которыми я и хочу поделиться, а также описать некоторый базисный код, на основе которого эта машина третьего типа, как мне представляется, может работать.

Я бы назвал эту машину третьего типа машиной расположения. С одной стороны, это тот же принцип, на котором основаны механизмы XVIII века, — расположение частей. Но это машина расположения еще и в том смысле, что она способна трансформировать ситуацию в целом. Так, чтобы ситуация стала более располагающей, или так, чтобы мы могли в ней расположиться. И так, чтобы ситуация могла сама в себе расположиться, разобраться и собраться заново. То есть в некотором смысле здесь речь идет о такой секуляризации понятия благословения (и проклятия как его коррелята) или секуляризации того базисного понимания, которое в теологическом виде выражено стихом из псалма: «Если Господь не построит дом, напрасен труд строителей».

То есть на самом деле оба типа перемещения, и первый, и второй, направлены на преодоление каких-то ограничивающих нас обстоятельств, но при этом все эти преодоления ограничивающих обстоятельств, преодоления силы притяжения Земли, перепрыгивание через какие-то отрезки Земли или сжатие Земли, — на самом деле имеют ограниченный характер. Ведь может быть так, что мы куда-то поехали, или мы что-то узнали, а оказалось, что вообще не надо было туда ехать или это узнавать, все равно ведь ничего не получилось. И напрасны все наши переезды и знания. Или наоборот: ситуация вдруг так изменила свою расположенность по отношению к нам, что уже не надо никуда ехать, все уже и так достигнуто.

Есть рассказ Дмитрия Горчева, который называется «Настоящее айкидо», который описывает подобную ситуацию. Это рассказ о том, что сейчас исчезли мастера настоящего айкидо, люди выходят на татами и просто начинают толкаться. А настоящее айкидо — это когда ты сидишь дома, человек идет с топором, чтобы тебя зарубить, но поскользывается по дороге, падает и сам себе руку отрубает, а ты вообще ничего даже не узнал обо всем этом.

И я думаю, что машина третьего типа — это машина, которая примерно таким образом работает. Но при этом это не миметическая и не теологическая машина. Она не исходит из некоторого человеческого «нужно». И это как раз постоянно присутствующий момент в работах Морозова. Именно поэтому в его машинах и нет человеческого «зачем» — эти машины исходят не столько из человеческих нужд, сколько из нужд самой ситуации, самой реальности.

Есть вот этот кусок метеорита, который почему-то нужно отвезти в место, из которого этот метеорит был взят. И человек, инженер (а инженер — это, конечно, важная в данном контексте фигура), собственно, это и делает. Он вступает в некоторый союз с этими материалами, но союз освобождающий. Метеорит, кусок материи, без Морозова никогда бы не попал туда, откуда он был взят. Он бы не вернулся к месту падения, и мы бы сейчас о нем не говорили. Он бы лежал себе где-то на складе.

И есть еще один момент, который касается сексуальности. Я думаю, эти три машины Морозова, составляющие «геологическую трилогию», тесно связаны с другой его работой, под названием «блэкбокс». Это тоже машина, лишенная человеческого «зачем», она собирает различные данные во время сексуальных актов, а затем переводит их в соб-

ственные механические движения. В принципе, я думаю, что сексуальность — это вообще некоторая модель того, как машина третьего типа функционирует. Психоданализу как знанию о желании, знанию о сексуальности, как раз очень мешает энергетическая парадигма. Психоданализ постоянно описывает либидо как какую-то энергию, и это сохраняется даже у Делёза и Гваттари. Они со своим шизоанализом пытаются, как мне кажется, подступиться к вопросу о «машинах расположения», но им мешает это сделать все еще присутствующая у них онтология энергии, потока.

Но на самом деле, если феноменологически и не-человечески посмотреть на то, что происходит в процессе сексуального акта, — это ведь именно серия попыток расположиться, расположить органы, расположить тела. Серия, которая заканчивается тем, что движения, которые мы активно осуществляем в процессе этого расположения, начинают осуществляться как бы сами по себе. В этом как раз и состоит суть оргазма, понимаемого как жест. И это то, к чему Вильгельм Райх пытался пробиться сквозь энергетическую парадигму в своей концепции «оргастической потенции».

И тут есть еще один важный момент, связанный с сексуальностью: осуществляясь сами по себе, эти жесты также трансформируют прошлое. Об этом много пишет Славой Жижек, хотя тоже никогда не идет в этом до конца. Для него важная характеристика человеческой генитальной сексуальности связана с тем, что, с одной стороны, в ней присутствует некоторый прыжок, она всегда возникает без всяких на то оснований⁴. Прежде всего, это связано с самым сексуальным взаимодействием. Люди в обычном общении сидят, разговаривают, ходят. С чего вдруг они начинают заниматься сексом? То есть этот момент всегда предполагает некоторый прыжок. А с другой стороны, поскольку это все же происходит, — это таким образом трансформирует прошлое, что оказывается, что: ...да понятно же, что именно это и должно было произойти.

Важно, что машины третьего типа — это машины, которые делают ситуацию более расположенной, позволяют реальности расположиться определенным образом, трансформируя прошлое этой ситуации. Основой функционирования этих машин является четверичный код и общие прин-

---

4. См., например: Жижек С. Накануне Господина: Сотрясаая рамки / Пер. с англ. Е. Савицкого и др. М.: Европа, 2014.

ципы исчисления сред, намеченные в теории радикального тиджеинга⁵.

Завершить же описание машин Морозова мне хотелось бы еще одним существенным моментом. Я думаю, что они осуществляют действие изменения прошлого и превращения его в более благоприятно расположенное по отношению к советскому прошлому, прежде всего — к прошлому «застоя». Конечно, есть метеорит, есть все это паломничество с метеоритом на место его падения, но тем, что является некоторым реальным результатом это хотя бы частичные изменения, некоторый сдвиг расположения вот этого, — застойного и советского. И тут фигура инженера оказывается очень важной.

В этом смысле проект Дмитрия Морозова оказывается парадоксальным образом близок проекту Антона Лапенко, в центре которого также можно найти фигуру инженера. Более того, весь пантеон фигур «советского», который реконструирует этот проект, находится внутри этого инженера. Это в буквальном смысле инженер человеческих душ, потому что он все это, содержащееся внутри него, конструирует, каким-то образом располагает и организует. И, кстати, если посмотреть на машины у инженера Лапенко, на то, чем этот инженер занимается в лаборатории, на все эти пробирки и «проблемки», с которыми он взаимодействует, — они очень похожи на то, что делает Морозов. И это не случайно, поскольку Лапенко тоже пытается осуществить такого же рода действие по отношению к советскому застою, действие, располагающе-исправляющее прошлое. Это действие состоит в том, чтобы заставить вечно двигаться сам застой: осуществлять движение не сходя с места, внутри собственной комнаты, внутри собственной персоны, — такова задача, которую ставят машины Морозова. Дальнейшее ее выполнение требует прежде всего онтоэкономического переосмысления распределения реального и не реального: в рамках нынешней онтологической ситуации сами разговоры об изменении прошлого обречены оставаться вызывающими в лучшем случае улыбку фикциями (как это и происходит в случае Лапенко). Морозов же серьезен, — но для осуществления этой серьезности недостаточно

---

5. См.: Регев Й. Радикальный тиджеинг. Пермь: Hyle Press, 2021 — книга в которой развивается теория оптимального микширования, казалось бы, взаимно несовместимых темпоральных рядов, конкретным следствием такого микширования является возможность контролируемого ретроактивного изменения прошлого. — *Прим. ред.*

быть инженером: нужна новая онтология и новая математика, которые сделают возможным дать подобающее название для того континента, на котором расположены машины Морозова. Для этого континента еще нет подобающего имени — но он стоит у входа, настаивает на вхождении в реальность, сегодня более, чем когда бы то ни было еще.

Библиография

- Жижек С. Накануне Господина: Сотрясая рамки. М.: Европа, 2014.
- Перев Й. Радикальный тиджеинг. Пермь: Hyle Press, 2021.
- Luria I. Shaar mamarey Razal [The Gate of Sayings of the Wise]. Jerusalem: A haim ve ha shalom, 1978.
- Pasquinelli M. The Automaton of the Anthropocene: On Carbosilicon Machines and Cyberfossil Capital//South Atlantic Quarterly. 2017. Vol. 116. № 2. P. 311–326.
- Rabinbach A. The Human Motor: Energy, Fatigue, and the Origins of Modernity. Berkeley, CA: University of California Press, 1992.

Mechanism, Occultism, the Calculus of Environments: The Perpetual Motion of Soviet Space

Yoel Regev. European University at St. Petersburg (EUSP), St. Petersburg, Russia, yoel.regev@gmail.com.

This article attempts to fix Dmitry Morozov's *Geological Trilogy* between three poles or three paradigmatic models. The author takes recourse to Anson Rabinbach's theory and his account of how the mechanisms characteristic of the 18th century stand in opposition to the motor and electric machines of the 19th century. The ever-renewing processes of Morozov's installations share with 18th century mechanisms the fact that their the source of movement is not electromagnetism and its conversion but the workings of interrelated parts. Yet Morozov's machines are distinct from those of the 18th century in the absence of the mimetic. The article also draws a distinction, following Matteo Pasquinelli, between carbon and silicon-based machines. The third theory, on which the author bases his own conclusions, takes an interpretation of the 16th century Kabbalist Isaac Luria and compares it with Pasquanelli's theory. The material point where this transformation took place is ascribed to occult practices of manipulation. Hypothetically, Morozov's machine amounts to a machine of the third type: a motive, technical potential of the 18th century while being also a particular transformation of that potential. A machine of the third type is a machine of location which is able to transform the situation as a whole. The basic functionality of such machines is a quadripartite gestural code and general principles of the calculus of environments which allow one to put different socio-cultural aspects together and examine the question of their connection with the paradigm of the "soviet". The author suggests that Morozov's machines act to change the past (the Soviet past, especially that of the period of stagnation). However the resolution of other issues raised by Morozov's machines require a new ontology and new mathematics.

Keywords: *machines; occultism; mimesis; calculus of environments; the soviet.*

DOI: 10.58186/2782-3660-2022-2-4-62-73

References

- Luria I. *Shaar mamarey Razal* [The Gate of Sayings of the Wise], Jerusalem, A haim ve ha shalom, 1978.
- Pasquinelli M. The Automaton of the Anthropocene: On Carbosilicon Machines and Cyberfossil Capital. *South Atlantic Quarterly*, 2017, vol. 116, no. 2, pp. 311–326.
- Rabinbach A. *The Human Motor: Energy, Fatigue, and the Origins of Modernity*, Berkeley, CA, University of California Press, 1992.
- Regev Y. *Radikal'nyi tidzheing* [Radical Tjing], Perm, Hyle Press, 2021.
- Žižek S. *Nakanune Gospodina: Sotryasaya ramki* [On the Eve of the Master: Shaking the Frame], Moscow, Europe, 2014.